

СЕМАНТИКА ПРИСТРАСТИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается семантическая область «пристрастия» и соответствующий ей круг лексических обозначений. Осмысляются причины и формы проявления конкуренции отвлеченных имен, входящих в состав одного словообразовательного гнезда. Выявляются факторы, затрудняющие квалификацию deverбального / деадъективного имени как синтаксического деривата.

Ключевые слова: синтаксическая деривация; семантика; функционирование отпредикатных имен.

Sine ira et studio.

(Без гнева и пристрастия).

Тацит

Взамен присутствия страсти – отсутствие бесстрастия
(пристрастности присутствия – бесстрастие отсутствия).

М. Цветаева

Данная статья продолжает серию публикаций, посвященных осмыслению феномена деривационной избыточности в сфере производства *nomina abstracta*, анализу причин и форм проявления конкуренции отвлеченных имен, входящих в состав одного словообразовательного гнезда (это единицы типа *подражание* – *подражательство* – *подражательность*; *привычка* – *привычность*; *благозвучие* – *благозвучность*; *пренебрежение* – *пренебрежительность* и т.п.). Исследование особенностей семантики и функционирования таких субстантивов, как отмечается в [1], позволяет выявить лакуны в современных представлениях о синтаксической деривации и предложить решение некоторых актуальных вопросов, связанных с ее описанием.

Объектом настоящей работы является семантическая область «пристрастия» и соответствующий ей круг лексических обозначений. Данный объект представляет интерес в нескольких отношениях.

А.Н. Тихонов полагает, что существительное *пристрастие* являет собой два омонима, которые имеют разную деривационную историю и потому помещаются в разных словообразовательных гнездах [2].

Пристрастие I, как и *пристрастность* ('предвзятое отношение, предубеждение'), по Тихонову, входят в гнездо прилагательного *пристрастный*, которое лингвист квалифицирует как вершинное, т.е. синхронно непроизводное. *Пристрастие II* ('склонность, влечение к чему-л.')

оценивается как дериват глагола *пристрастить*, входящего в гнездо существительного *страсть*, которое является для него мотивирующим.

Таким образом, соответствующие фрагменты гнезд в «Словообразовательном словаре русского языка» выглядят следующим образом:

пристрастный → *пристрастие I*;
→ *пристрастность*

страсть → *пристрастить* → *пристрастие II*.

Это решение, однако, вступает в противоречие со сложившейся лексикографической традицией. Толковые словари единодушно трактуют существительное *пристрастие* как многозначное слово, а не как два омонима: *пристрастие I* – 'сильная склонность, влечение к чему-л.'; *пристрастие 2* – 'предвзятое отношение к кому-, чему-л., предубеждение'. Кроме того, прилагательное *пристрастный*, которое, по мнению А.Н. Тихонова, мотивирует *пристрастие I*, имеет, согласно МАС, два значения: 1. 'Отличающийся при-

страстием (в 1-м знач.) к кому-, чему-л.'. 2. 'Предвзятое отношение к кому-, чему-л., необъективный'. Очевидно, что с лексемой, которую дериватолог определяет как *пристрастие I*, соотносится второе значение прилагательного; первое значение, судя по составу гнезда, А.Н. Тихонов не считает нужным учитывать.

Если прилагательное действительно обладает полисемией, вряд ли можно признать корректным такое решение, согласно которому первая лексема мотивирует первый омоним, а вторая, обладающая полной семантической соотносительностью с другим омонимом, вообще не участвует в словопроизводстве. Таким образом, первый вопрос, который возникает при анализе данного материала, – вопрос о семантической структуре существительного *пристрастие* и его деривационной истории.

Существительные *пристрастие* и *пристрастность* образованы в рамках словообразовательных типов, обслуживающих синтаксическую деривацию; в том случае, если они являются кодериватами, они должны обладать тождественным лексическим значением и однотипными особенностями употребления; если они образованы от разных производящих, они должны наследовать свойства последних и различаться предсказуемым образом, воспроизводя адъективную и глагольную семантику соответственно.

Семантическая близость рассматриваемых производных в отдельных случаях действительно имеет место, ср.: *Мне казалось, что он знает, о чем мы говорим, знает, что ничего изменить нельзя, и поэтому презирает нашу пристрастность к политическим разговорам* (Ф. Искандер); *Школы в кабинете не было, и заместителю представился отличный случай удовлетворить свое пристрастие к велеречивым спичам* (Ю. Дольд-Михайлик).

Однако значительно чаще существительные *пристрастие* и *пристрастность* не обладают способностью к взаимозаменяемости, используются для реализации разных значений или разных оттенков значения: *Мое пристрастие к логичности и систематичности было тут неуместно* А. Мильчин) ↔ *Основная причина – пристрастность автора, его вопиющая необъективность. В результате из массы фактов выбираются те, которые «подходят» под уже заранее сделанные выводы* (Р. Баженов).

Попытка эксплицировать эти различия и предложить их системное описание составляет вторую задачу настоящей работы.

Анализ научной литературы, посвященной проблемам синтаксической деривации, показывает, что в центре внимания исследователей стоят скорее вопросы функционирования синтаксических дериватов, чем их семантика. Между тем, насколько нам известно, системное обследование всего массива отвлеченных имен не проводилось; утверждение о их безусловном семантическом тождестве с производящим (глаголом или прилагательным) сформулировано в значительной степени априори и требует проверки и осмысления (более подробную аргументацию см. в [3]). Детальное описание отдельных единиц, ориентированное на выявление их семантической, прагматической, коммуникативной специфики, позволит внести определенный вклад в решение этой задачи и уточнить классические представления о феномене синтаксической деривации.

Материалом исследования являются примеры контекстного употребления лексем *пристрастный*, *пристрастить(ся)*, *пристрастие*, *пристрастность*, извлеченные из Национального корпуса русского языка [www.corpora.yandex.ru] и Тюбингенского корпуса русских текстов [http://heckel.sfb.uni-tuebingen.de] (всего – около тысячи употреблений).

В ходе анализа последовательно учитываются формальные характеристики предложений, включающих данные единицы, и содержательная специфика ситуации, которую они характеризуют.

1. Глагол как способ выражения семантики пристрастия. В современном русском языке глагол *пристрастить* ‘вызвать любовь к занятию чем-л., приохотить к чему-л.’ характеризуется невысокой частотностью (в Национальном корпусе зарегистрировано 24 вхождения), зато *пристраститься* ‘приобрести постоянную склонность к чему-л.’ используется весьма широко (368 вхождений).

Пристрастить описывает каузативную ситуацию: *Отец пристрастил меня к чтению* = *X пристрастил У-а к Z* = Лицо *X* сделало нечто; это вызвало: *У* начал иметь склонность к *Z*.

Пристраститься возникает в результате декаузативации: *Благодаря отцу я пристрастился к чтению* = *У пристрастился к Z* = *У* начал иметь склонность к *Z* (потому что Лицо *X* сделало нечто).

Общим у глаголов *пристрастить* и *пристраститься* является компонент ‘*У* начал иметь склонность к *Z*’, который характеризует *У* как Пациенс. Анализируя подобные пары глаголов, Е.В. Падучева отмечает, что различие в них обусловлено местом пациентного компонента в толковании: у каузатива «...он находится в сфере действия предиката каузации, причем каузация центральная (переднеплановая, foreground-und); у возвратного глагола пациентный компонент сам занимает центральную позицию; ‘каузация’ становится фоновым компонентом, к тому же факультативным: если никакой причины перехода Пациенса в новое состояние не указывается, возникает понимание ‘сам собой’» [4].

Таким образом, общим для *пристрастить* и *пристраститься* является изменение состояния Пациенса. У исходного глагола этот компонент находится в сфере действия центральной каузации, а у производного переходит в ассертивную позицию. Каузация при этом

может становиться фоновой (периферийной – см. пример выше) и семантически факультативной, а может подавляться полностью: *Она рано пристрастилась к книгам и до школы прочитала уже очень много* ≈ ‘начала иметь склонность к чтению (сама по себе)’.

Употребления последнего типа являются преобладающими.

Оба глагола имеют обязательную валентность на объект пристрастия, которая заполняется предложным дативом или инфинитивной конструкцией (только у *пристраститься*): *пристрастить к музыке, кино, театру, литературе, крестьянскому труду, наркотикам; пристраститься к бильярдной игре, песням и танцам, медитации; пристраститься пить кофе со сливками, ходить на вечера в музей Герцена* и т.п. В обоих случаях (даже тогда, когда соответствующий актанта обозначается предметным именем) объект понимается процессуально: *пристраститься к компьютеру* ≈ к работе / игре на компьютере; *пристраститься к сигаретам* ≈ курить сигареты.

В содержательном отношении объектом пристрастия может быть все что угодно: продукты, напитки, виды спорта, какие-то действия, ср.: *пристраститься к кофе, капучино, йогурту, куриным котлетам; к алкоголю, вину, водке, абсенту, портвейну; к наркотикам, опиуму, гашишу; к дайвингу, зимней рыбалке, бильярду; к истреблению мышей, раскладыванию пасьянса* и т.д.

Таким образом, семантическим ядром глаголов *пристрастить* и *пристраститься* является компонент ‘сильная склонность’, который в первом случае мыслится как каузиремый, а во втором – как возникающий у носителя состояния ‘сам по себе’.

Как представляется, рассматриваемые лексемы не утратили синхронной мотивационной связи с существительным *страсть*, в смысловой структуре которого наряду с первым значением ‘сильное чувство, с трудом управляемое рассудком’ (*обуздывать страсти, разжигать страсти*) имеется второе, весьма близкое значению анализируемых глаголов, – ‘сильная увлеченность чем-л., отдача всех душевных сил какому-л. делу, занятию; страстность, пыл’ (*со страстью занимается*); // ‘сильное влечение к чему-л., пристрастие к какому-л. делу, занятию’ (*у меня врожденная страсть противоречить; я охвачен страстью к книге*). *Страсть* мотивирует глагол *пристрастить* (‘вызвать любовь к занятию чем-л., приохотить к чему-л.’), от которого, в свою очередь, образуется *пристраститься*.

2. Отглагольное существительное как способ выражения семантики пристрастия. Все вышеизложенное, как кажется, подтверждает решение А.Н. Тихонова включить лексему *пристрастие* ‘сильная склонность, влечение к чему-л.’ в словообразовательное гнездо существительного *страсть*. Единственное уточнение, которое хотелось бы сделать, – указание на возможность двойной мотивации (каузативным и возвратным глаголом), обусловленной тем, что *пристрастие* может возникнуть как по «доброй воле» субъекта (*X пристрастился к коньяку* → *пристрастие X-а к коньяку*), так и «под чужим влиянием» (*Отец пристрастил меня к охоте* → *мое пристрастие к охоте*).

Значение лексемы *пристрастие 1* естественным образом коррелирует со словообразовательным: глаголы на

-*uj(e)* «совмещают в своем значении присущее мотивирующему глаголу значение процессуального признака (действия, состояния) со значением существительного как части речи» или обозначают предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим словом (субъект, объект или результат этого действия)» [5. С. 152, 158].

Лексема *пристрастие 1* представлена несколькими группами употреблений.

В первой из них объект *пристрастия*, как и у производящего глагола, обозначен зависимым дативом, который может называть как материальные, так и нематериальные реалии: *пристрастие к крепким напиткам, к стимуляторам, к лионским шелкам, к автомобилям; к цитатам, к гиперболам, к произведениям по истории отечества, к театру, к несерьезному искусству; к оздоровительным играм, к логичности и систематичности, к излишнему отрицанию* и т.п. Значительно реже в роли объекта *пристрастия* выступает лицо: *Они расскажут о Татьяне Лариной, о ее страсти к Руссо, о том, как она любит свой народ и как она вообще незаурядна и прекрасна* (Б. Окуджава); *Вообще точность замечаний генерала Гурго достойна похвал; но страстие к Наполеону увлекает его к защите мнений совершенно ложных* (Д. Давыдов).

В таких употреблении *пристрастие* обладает, как кажется, теми же семантическими особенностями, которые Ю.Д. Апресян усматривает у лексемы *любить 2*, обозначающей «слегка окрашенное эмоционально хорошее отношение к человеку, предмету или занятию, доставляющему субъекту удовольствие. В той или иной мере оно свойственно всем людям, близко привычке, склонности или предпочтению ... и отражает вкусы человека; ср. *До ужина любит он поиграть в карты; любил бродить по лесу за ягодами; любит Цветаеву; любит метафизику и сплетник*» [6. С. 182]. Объектом *любить 2*, как и объектом *пристрастия 1*, являются названия предметов, пищи, занятий, информационных и эстетических объектов, свойств, явлений, событий, действий.

Во второй группе контекстов управляемый датив отсутствует – здесь *пристрастие 1* сочетается с согласованным определением, ср.: *личные, политические, вкусовые* и т.п. *пристрастия*.

Такое определение может быть как (а) субъектно, так и (б) объектно ориентированным:

(а) *Его главная особенность – удивительная современность, когда угадываются и учитываются нынешние ритмы, вкусы и зрительские пристрастия* («Театральная жизнь»); *Потому что критики думают не о литературе, а о поколенческих, групповых и личных пристрастиях* (В. Мусвик); *клановые пристрастия, помещицы пристрастия*.

(б) *Однако по роду занятий господину Ставрианиди приходилось работать с заказчиками, чьи архитектурные пристрастия были самыми разными* (А. Поводова); *И дело здесь вовсе не во вкусовых пристрастиях богатых европейцев – пряности обладают сильным бактерицидным эффектом* (П. Образцов); *Дело в революции, в ее сокрушительном напоре, сдвинувшем и захватившем всех, независимо от идеологических пристрастий и сочувствий – эсдекам ли, каде-*

там, эсерам, большевикам, контрреволюционерам (А. Кушнер); *В дворянском обществе укоренились и заморские моды, и западные пристрастия* («англо- или франкомания»), *французский язык в повседневном общении* (С. Перевезенцев); *книжные, литературные, эстетические, музыкальные, хоккейные пристрастия; алкогольные, питейные, пищевые, гастрономические пристрастия*.

Очевидно, что в группе (а) определение при существительном *пристрастие* указывает на его субъект, который мыслится нерасчлененно, недифференцированно (в приведенных примерах это *зрители, поколение, группа, лицо*).

В группе (б) определение указывает не на конкретный объект *пристрастия*, но на ту сферу, в которой оно формируется, на область, с которой оно связано. Так, *архитектурные, кулинарные, идеологические, политические пристрастия* – это пристрастия в области архитектуры, кулинарии, идеологии.

В единичных случаях прилагательное вводит скрытое сравнение, ср.: *И патологии серьезной у ребятшек нет, а садистские пристрастия* – как у клинических больных (И. Медведева, Т. Шишова); *Бабушки не испытывал холопского пристрастия к царям и фаворитам* (Ю. Давыдов). Здесь *садистские, холопские пристрастия* – ‘такие, как у садиста / холопа’.

Еще одна функция определения при существительном *пристрастие* – оценочная квалификация по какому-либо параметру: *Но теперь, когда эротика в почете, сексуально озабоченные граждане и гражданки уже не скрывают своих истинных пристрастий* (И. Медведева, Т. Шишова); *Многие из них осознали, что православный путь преодоления дурных пристрастий – единственный верное средство помощи гинущим от алкоголизма людям* («Журнал Московской патриархии»); *Школьные науки давались Ване с трудом, зато он проявлял редкое пристрастие к разного рода рукоделию* («Наш современник»); *пагубное, патологическое, роковое пристрастие*.

Таким образом, можно констатировать, что существительное *пристрастие* последовательно употребляется для обозначения склонности к какому-либо предмету или деятельности. При этом субъект пристрастия может быть обозначен самыми разными способами:

– посессивной конструкцией: *Особое пристрастие Суворин имел к произведениям по истории своего отечества*, (РИА «Новости»); *Он давал своим возлюбленным красивые имена, так как имел пристрастие к роскошным словам* (В. Катаев); *У меня есть пристрастие к цитатам, словечкам* (Ю. Трифонов);

– генитивной конструкцией (*пристрастие Володи, пристрастие Арнольда*);

– прономинальной конструкцией с притяжательным местоимением (*мои / его / свои пристрастия*);

– наличием имени субъекта в контексте: *Количество будущих учителей, имеющих пристрастие к табаку, возрастает с каждым годом* (Е. Загородняя).

Объект пристрастия обозначается либо зависимым дативом, либо мыслится неопределенно – через указание на сферу, которой он принадлежит.

Вторая лексема существительного, *пристрастие 2*, ‘предвзятое отношение к кому-, чему-либо, предубеж-

дение⁷, выделяемая всеми авторитетными словарями, встречается в единичных контекстах (свидетельство чему – данные Национального корпуса русского языка и Тюбингенского корпуса русских текстов). Это контексты типа *относиться с пристрастием, судить о ком-либо с явным пристрастием, проявить пристрастие в суждениях; Давайте проанализируем вашу информацию, дружище. Давайте проанализируем ее без гнева и пристрастия* (Ю. Семенов).

Как отмечалось выше, А.Н. Тихонов возводит эту лексему к прилагательному *пристрастный*, которое оценивает как синхронно непроизводное. Эта точка зрения представляется сомнительной в связи с тем, что прилагательное (пусть редко) употребляется в значении, соотносительном со значением *пристрастие 1* (см. ниже), а следовательно, сохраняет связь с единицами словообразовательного гнезда существительного *страсть*.

Думается, *пристрастие 2* можно рассматривать как результат семантической деривации от *пристрастие 1*. Когнитивным основанием для такого переноса является, на наш взгляд, содержание компонента ‘склонность’, являющегося семантическим ядром первой лексемы. Поскольку ‘склонность’, т.е. эмоциональное отношение к человеку, предмету или занятию, доставляющему субъекту удовольствие, отражает вкусы и предпочтения личности, оно по определению не может быть объективным. Представление об отсутствии объективности, находящееся на периферии значения первой лексемы, «повышается в ранге» и становится ядерным компонентом значения лексемы *пристрастие 2*.

Форма *с пристрастием*, как справедливо указывает МАС, фразеологизировалась и употребляется в значении ‘с особой, чрезвычайной тщательностью и вниманием’: *чеченцы с особым пристрастием проверяют документы у чужих; с пристрастием осматривали свиней и проверяли их на упитанность; инженер учинил досмотр с пристрастием; домовладельцы отбирают слуг с пристрастием; с пристрастием выпытываю его мнение* (примеры из «Огонька»). Наиболее часто эта форма встречается в сочетаниях *допрос с пристрастием, допрашивать с пристрастием*, обозначающих тщательные, придирчивые расспросы. Вероятно, источником названного значения могло быть устаревшее выражение *допрос с пристрастием* (‘допрос с применением пытки’), в составе которого анализируемое существительное семантически соотносится с лексемой *страсть*² – ‘ужас, страх’: *Я влез в беду такую, Того и жди в застенок поведут. Ты не бывал, так страсти-то не знаешь* (А. Островский).

3. Прилагательное как способ выражения семантики пристрастия. Прилагательное *пристрастный*, согласно словарным данным, представлено двумя лексемами: *пристрастный 1* ‘отличающийся пристрастием (в 1-м знач.)’; *пристрастный 2* ‘предвзято относящийся к кому-, чему-либо, необъективный’. Анализ материала, зафиксированного в корпусах русских текстов, позволяет говорить о наличии совершенно определенной тенденции в употреблении этих лексем. *Пристрастный 1* используется крайне редко, можно сказать, в единичных случаях:

– *К театру был пристрастен и более всего любил воздушные пируэты в балетах* (И. Лажечников).

– *Агент пристрастен был к порошкам или травкам известного свойства* (А. Азольский).

– *Верхотурские управители запрашивали до этого как быть с местным кабаком, ибо население всех чинов, по их словам, было пристрастно к спиртному* (Д. Раев).

– *Немало удовольствия можно найти и в собирании ягод. Чтобы не посчитали меня особо пристрастным к грибам, отвлекусь* (В. Солоухин).

Зависимый предложный датив однозначно сигнализирует о том, что в данных контекстах реализована первая лексема прилагательного ‘отличающийся пристрастием 1, т.е. имеющий склонность, влечение к кому-, чему-либо’.

Вторая лексема прилагательного *пристрастный 2* имеет, согласно МАС, два оттенка: ‘предвзято относящийся к кому-, чему-либо, необъективный’: *Александр Семенович бывал пристрастен как в похвалах, так и в порицаниях* (С. Аксаков); ‘основанный на предубеждении, пристрастии, предвзятый’: *Если учитель поставил пристрастную отметку слабому ученику, я уверен, что эта пристрастная отметка не останется без отпечатка на психике учеников* (М. Калинин).

Думается, что словарь совершенно справедливо ставит на первое место «личные» употребления, поскольку иметь те или иные пристрастия – прерогатива субъекта. Дефиниция строится через отсылку к понятиям *предвзятый, необъективный, основанный на предубеждении*. При этом *предвзятый* – ‘сложившийся, принятый заранее, до ознакомления с кем-, чем-л., без учета действительных фактов; пристрастный’; *предубеждение* – ‘предвзятое, заранее сложившееся отрицательное мнение о ком-, чем-л.’; *необъективный* – ‘не отражающий объективного положения дел; пристрастный’.

Таким образом, по данным толковых словарей, *пристрастный 2.1 X* – это ‘X, который имеет о ком-, чем-л. заранее сложившееся (притом скорее всего отрицательное) мнение, основанное не на реальных фактах, а на каких-либо других мотивах’.

Анализ примеров контекстного употребления показывает, что *пристрастный X* необязательно имеет **заранее сложившееся** мнение о лице или объекте отношения; это отношение может быть мотивировано мгновенной симпатией / антипатией, финансовыми соображениями или чем-то еще. Важно, что оно не формируется в результате анализа объективного положения вещей, а является выражением личных предпочтений субъекта отношения, ср. следующие выразительные примеры:

– *И не такой уж он «не от мира сего», как думают, он наблюдателен, разборчив, к людям присматривается и вовсе не эталон беспристрастия, наоборот, пристрастен, одних любит, других ненавидит, и порой трудно понять почему* (Ю. Трифонов).

– *Опустим вариант позитивного отношения к тому, кто профессионально пристрастен и, постоянно меняя пристрастия, естественно теряет объективность* («64-Шахматное обозрение»).

– *Пришло разъяснение, что я пристрастен, что сомневаются в моей оценке* (А. Яковлев).

Представляется, следовательно, что релевантным компонентом значения прилагательного *пристрастный* является ‘необъективность’, ср. толкование МАС:

необъективный – ‘не отражающий объективного положения дел; пристрастный’ (необъективная оценка, необъективное отношение. Употребления такого типа достаточно частотны, ср. также: *После убийства герцога даже самые пристрастные люди перестали видеть в нем героя* (Л. Толстой); *Ты всегда пристрастен к людям и любишь переоценить* (Ю. Трифонов).

Поскольку отношение *пристрастного X-а к У-у* является собой своеобразное отступление от нормы в ту или иную сторону (оно либо лучше, либо хуже, чем могло бы быть на основании объективных данных), оно может провоцировать особую требовательность X-а к объекту. В ряде контекстов именно семантический компонент ‘требовательность, взыскательность’ становится ядерным, компонент ‘необъективность’ нейтрализуется или уходит на периферию значения, ср.:

– «Новый журнал» Иванов считал лучшим русским журналом, годами регулярно печатался в нем и последние десять лет жизни оставался его **пристрастным** читателем (В. Крейд).

– Железнодорожники покатали обновку по российским регионам и получили высокие оценки **пристрастных** ценителей («Известия»).

– Художники рисовали их так выразительно, что, по мнению самых **пристрастных** зрителей – детей, они были как живые («Огонек»)¹.

Лексема *пристрастный* 2.2 ‘основанный на предубеждении, пристрастии, предвзятый’ реализуется в сочетании с именами существительными *отношение, мнение, позиция* и т.п., а также с именами, называющими действия или деятельность субъекта (*пристрастные налоговые проверки, пристрастное наблюдение правоохранительных органов*) и результаты этой деятельности:

– Это яростная, **пристрастная**, по-лимоновски мускулистая и трезвая проза (Петербургский Час пик).

– Вполне возможно, что этот очерк предвзят, **пристрастен, субъективен, не во всем справедлив, но написан он с блеском, убедительно, талантливо** (В. Соловьев).

– Наши взаимные характеристики могут быть несколько **пристрастными** (А. Деникин).

Особенности употребления прилагательного *пристрастный* вызывают вопрос о природе его значения и специфике семантического соотношения с исходным существительным. На основании словарных данных можно построить «идеальную» схему:

пристрастие 1 → *пристрастный* 1

↓

пристрастие 2 → *пристрастный* 2

Однако, как уже неоднократно отмечалось выше, лексема *пристрастие* 2 используется крайне редко, существует скорее как потенциальная, чем как реальная единица. И наоборот, лексема *пристрастный* 1 в реальных текстах практически не представлена – зато высокой частотностью характеризуется *пристрастный* 2. Если продолжить попытку представить отношения между прилагательным и существительным схематически, следует, вероятно, ввести скобки как знак потенциальной единицы:

пристрастие 1 → (*пристрастный* 1)

↓

(*пристрастие* 2) → *пристрастный* 2

Обнаруживается, таким образом, что каждый из держательных компонентов (‘склонность, влечение к чему-л.’ vs ‘необъективность’) тяготеет к определенному способу грамматической реализации – субстантивному или адъективному. Логично, видимо, предположить, что *пристрастный* 2 прямо мотивируется лексемой *пристрастие* 1, актуализируя ту семантическую составляющую, которая в исходной единице присутствует в виде потенциальной семы. Эта сема становится ядерной для существительного **пристрастность**, являющегося на следующей ступени деривации.

4. Отадъективное существительное как способ реализации семантики пристрастия. Оно используется исключительно в значении ‘свойство по прилагательному *пристрастный* 2; т.е. необъективность, предвзятость’. Это свойство мыслится как (а) характеристика лица, (б) его отдельных составляющих, (в) продуктов его деятельности:

(а) *Виноваты погода, пристрастность судьбы, коварство противников* (Ю. Даниэль); «*Отношение*» здесь включает момент оценки, выражает *пристрастность личности* (А. Девяткин);

(б) *Психология издавна описывала субъективность, пристрастность человеческого сознания* (А. Леонтьев);

(в) *Того и гляди, пойдет молва на бездействие посредников и на пристрастность их решений* (Н. Лесков); *Важен и еще один психологический момент: пристрастность суждений современников относительно ошибок и слабостей власть предержащих* (Н. Плискевич).

Носитель свойства, названного деадъективом *пристрастность*, обозначается зависимым генитивом (см. примеры выше), подлежащим при составном именном сказуемом (*Эйбелман проявлял пристрастность к результатам исследований коллег*), именем объектного актанта глаголов *обвинять, подозревать* (*обвинил суд в пристрастности, чтобы меня не подозревали в пристрастности*).

Рассмотренный языковой материал позволяет сформулировать следующие выводы.

Семантику пристрастия выражают, во-первых, два глагола – каузативный и возвратный. В первом случае носитель пристрастия концептуализируется как пациент (*Отец пристрастил сына к чтению*), во втором – как экспериенцер (*Он пристрастился к чтению*). Центром лексического значения обоих глаголов является компонент ‘сильная склонность ≈ эмоционально окрашенное хорошее отношение субъекта к предмету или занятию, доставляющему субъекту удовольствие’. В семантической структуре глагола *пристрастить* этот компонент мыслится как каузируемый, в структуре глагола *пристраститься* – как возникающий «сам по себе».

Существительное *пристрастие* 1 «вырывает» значение ‘сильная склонность’ из цепей причинно-следственных зависимостей и освобождает говорящего от необходимости оценивать эту склонность как результат внешнего влияния или естественно возникающую особенность личности (ср. *его пристрастие к чтению*).

При этом характер смыслового соотношения лексемы *пристрастие* 1 с производящим глаголом оказывается различным в разных группах употреблений.

Противопоставляются, во-первых, такие употребления, в которых *пристрастие* 1 управляет предложным

дательным падежом, и такие, в которых зависимый датив отсутствует. Судя по данным РГ, присловный дательный может распространять любую часть речи, однако при том условии, что она имеет процессуальное значение, ср.: *помочь (помощь) матери, сочувствовать (сочувствие) больному, враждебный людям* и т.п. Можно, следовательно, полагать, что наличие зависимого датива является свидетельством процессуального характера управляющего существительного.

В ряде случаев словосочетания типа *пристрастие к чтению* допускают трансформацию в сочетании с производящим глаголом, ср.: *Он давал своим возлюбленным красивые имена, так как имел пристрастие к роскошным словам* (В. Катаев) ≈ т.к. *пристрастился к роскошным словам*; *У меня есть пристрастие к цитатам, словечкам* (Ю. Трифонов) ≈ *пристрастился к цитатам, словечкам*.

Вопрос о тождестве значения девербатива и его производящего оказывается в подобных случаях не очень простым – в первую очередь потому, что исходный глагол обозначает не процесс, а событие («Глаголы совершенного вида всегда обозначают события, можно сказать, что они предназначены для обозначения событий» [7. С. 36]). Инвариантное видовое противопоставление, по мнению М.Я. Гловинской, описывается формулой ‘начать [существовать] (сов. вид) – существовать в каждый из ряда последовательных моментов’ (несов. вид) [8]. Как кажется, в рассматриваемом случае указанное противопоставление осуществляется противопоставлением производящего глагола (который не имеет видовой пары) и производного девербатива: первый обозначает возникновение нового состояния, второй – наличие этого состояния «в каждый из ряда последовательных моментов». Проблема квалификации отглагольного имени как синтаксического или лексического деривата остается открытой и не может быть решена в рамках отдельной статьи³.

Важно подчеркнуть, что трансформация конструкции с девербативом в глагольную конструкцию оказывается возможной в контексте посессивных и бытийных глаголов (см. примеры выше) и так называемых пропозитивных предикатов (см. [9], ср.: *Мать знала мое пристрастие к порнографическим и глупым романам* (Г. Газданов) ≈ *знала, что я пристрастился к порнографическим романам*; *Чуть смущаясь своих провинциальных пристрастий к несерьезному искусству, Володя все-таки купил билеты на Фанфана* (А. Архангельский) ≈ *чуть смущаясь того, что он пристрастился к несерьезному искусству*.

В контекстах другого типа трансформация недопустима, ср.: *Кстати, эти реплики – не только и не столько проявление самокритики, сколько этикетные формулы этнической идентичности через самоуничижение, пристрастие к которому – неотъемлемое качество русской психологии* (О. Николаев); *Королева своему пристрастию к лионским шелкам не изменила* (А. Карабаш).

Утрата зависимого датива окончательно отрывает девербатив от исходной конструкции *X пристрастился к У*. Как отмечалось, существительное *пристрастие 1* легко образует атрибутивные словосочетания с субъектным (*зрительские пристрастия*) и объектным (ку-

линарные пристрастия) прилагательным. Представляется, что в таких сочетаниях девербатив указывает на объект пристрастия, не называя его прямо: так, *зрительские пристрастия* – это ‘то, к чему пристрастились зрители’ (в неизвестной области, как-то связанной со зрительным восприятием); *кулинарные пристрастия* – ‘то, к чему пристрастился (в кулинарной сфере) неназванный субъект’. Свидетельством опредмечивания рассматриваемого имени является частотность употребления его во множественном числе.

Таким образом, можно полагать, что существительное *пристрастие 1* способно функционировать и как пропозитивное, и как номинативное имя (в смысле [10]). В первом случае оно либо вводит дополнительную пропозицию (стандартная функция синтаксических дериватов), либо компенсирует отсутствие видовой пары у производящего глагола. Во втором оно функционирует как имя состояния или свойства. Наконец, оно может еще значительно сдвигаться по шкале «абстрактное – конкретное» к правому полюсу, приближаясь к предметным именам и указывая на объект пристрастия, не называя его прямо.

Ядерный компонент значения лексемы *пристрастие 1* (‘сильная склонность’) содержит в себе представление о немотивированности этого эмоционального отношения субъекта к предмету или занятию как предпосылку для дальнейшего имплицативного вывода: ‘склонность’ => ‘отсутствие объективности’.

Этот содержательный компонент становится ядром значения лексемы *пристрастие 2* (характеризующегося чрезвычайно низкой частотностью), прилагательного *пристрастный 2* (*пристрастный 1* зафиксировано в единичных контекстах) и существительного *пристрастность*.

Существительное *пристрастность* в контексте пропозитивных предикатов ведет себя как типичный синтаксический дериват, допуская трансформацию в конструкцию с производящим прилагательным: *жаловались на пристрастность судьи* ≈ *жаловались, что судья пристрастен*; *продемонстрировать пристрастность людей при оценке ими членов своей социальной группы* ≈ *продемонстрировать, что люди пристрастны*; *обвинял арбитра в пристрастности* ≈ *обвинял арбитра в том, что он пристрастен*; *трудно заподозрить его в пристрастии* ≈ *заподозрить в том, что он пристрастен* и т.п.

В других типах контекстов существительное *пристрастность* утрачивает способность к трансформации: *Угловатость, резкость и нетерпимость его артистической индивидуальности, его пристрастность и творческий эгоизм – вот качества его природы, всегда игравшие разрушительную роль в его попытках воспитать группы преданных его идеям молодых актеров* (Ю. Елагин); *Деятельность восприятия включает в себя основную характеристику человеческой психики – пристрастность* (А. Леонтьев); *Пристрастность же – порок, с которым бороться почти невозможно, ибо его можно видеть только со стороны* (А. Болдырев).

Как представляется, в подобных употреблениях анализируемый деадъектив выполняет не пропозитивную, а номинативную функцию. Существительное *пристрастность* обладает всеми характеристиками имен свойств, названными Е.В. Падучевой в указанной работе:

– оно вписывается в контекст глаголов со значением ‘обладать’, ‘отличаться’, ‘характеризоваться’: *его решения отличаются пристрастностью*;

– оно вписывается в контекст глаголов, выражающих проявление свойства: *проявил пристрастность, обнаружил пристрастность*;

– оно может входить в контекст, содержащий показатель степени свойства: *некоторая пристрастность критику не мешают* (А. Журбин), *шизоиды проявляют чрезмерную пристрастность* (П. Ганнушкин);

– оно сочетается с некоторыми фазовыми показателями: *Другая сторона движения значений в системе индивидуального сознания состоит в той особой их субъективности, которая выражается в приобретаемой или пристрастности* (А. Леонтьев); *Некоторая пристрастность, которая была вначале, уже сменялась просто любопытством* (В. Набоков).

Таким образом, деривационную историю анализируемых единиц можно представить в виде следующей

схемы (скобками выделены малоупотребительные лексемы):

страсть → *пристрастить* → *пристрастие*
1 → (*пристрастный 1*)
↓
(*пристрастие 2*) → *пристрастный 2* → *пристрастность*

Все производные лексем, входящие в данный фрагмент словообразовательного гнезда, имеют специфическую функционально-семантическую специализацию и формируют отношения, максимально близкие отношениям дополнительной дистрибуции. В результате эмоциональное отношение субъекта к отдельным лицам, предметам, занятиям, переживаемое как сильная склонность и предполагающее не-объективность, получает такие средства языковой репрезентации, которые обеспечивают возможность адекватного выражения каждого содержательного компонента.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подобное значение, как отмечено выше, реализует фразеологизированная конструкция *с пристрастием*.

² Насколько нам известно, в русской лингвистической литературе по проблемам синтаксической деривации не обсуждается специфика отглагольных имен, восходящих к глаголам разных типологических классов (процесс, событие, состояние). Между тем представляется очевидным, что характеристика девербатива как языкового средства, функциональное предназначение которого – обеспечить «коммуникативный фокус на самом наличии процесса, <...> подчеркнуть факт бытия какого-либо свойства, процесса, явления» [11. С. 79], оказывается непротиворечивой только в приложении к тем существительным, которые образованы от глаголов, обозначающих действие или процесс. Осмысление функционально-семантического своеобразия девербативов, учитывающее принципиальное различие в семантической организации глаголов разных классов, – одна из актуальных задач исследования синтаксической деривации. Думается, что решение этой задачи должно иметь в виду теоретические результаты, полученные при описании отглагольных имен других европейских языков (ср., например [12–20]).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ташлыкова М.Б.* Семантика привычки в современном русском языке // Российский лингвистический ежегодник. 2008. Вып. 10 (3). С. 108–120.
2. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 1985.
3. *Ташлыкова М.Б.* О качествах и свойствах имен качеств и свойств // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики. Иркутск, 2003. С. 174–184.
4. *Падучева Е.В.* О семантическом инварианте лексической деривации. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/Directions/Invariant.htm>
5. *Русская грамматика.* М.: Наука, 1982.
6. *Апресян Ю.Д.* *Любить 2* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. Вып. 2. С. 180–185.
7. *Зализняк А.А., Шмелев А.Д.* Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.
8. *Гловинская М.Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982. С. 105–108.
9. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
10. *Падучева Е.В.* Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте // НТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1991. № 5. С. 21–29.
11. *Резанова З.И.* Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996.
12. *Buzassyová K.* Názvy deja a názvy vlastnosti v transpozíčnej a nominačnej funkcii // Jazykovedný časopis. 1982. № 33. С. 21–35.
13. *Desining a Dictionary of Derived Nominals.* Режим доступа: <http://citeseer.ist.psu.edu/161293.html>
14. *Grimshaw J.* Argument Structure. Cambridge MA: MIT Press, 1990.
15. *Horecký J.* Pomenovanie príznakov a kategórií // Slovenská reč. Ročník. 1976. № 41. С. 129–133.
16. *Markova A.S.* Deverbal Nominals in Bulgarian: a Syntactic Analysis. Barcelona, 2007.
17. *Jędrzejko E.* Teoretyczne problemy nominalizacji. Przegląd ujęć i propozycji metodologicznych. Режим доступа: <http://www.lingwistyka.uni.wroc.pl>
18. *Kamiya M.* Dimensional Approach to Derived Nominals. Режим доступа: <http://www.ling.umd.edu/Publications/Theses/kamiya>
19. *Karlik P., Nuebler N.* Substantivische Nominalisierungen im Tschechischen // Zitschrift fuer Slavistik. 1999. Bd. 25, 44. С. 167–180.
20. *Korytkowska M.* Nominalizacje a struktura semantyczna verbum (na materiale polskim i bulgarskim) // Studia z Filologii Polskiej i Slowianskiej. 32. SOW. Warszawa, 1995. С. 165–183.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 февраля 2009 г.